

Российская цивилизация. СРЕДНЕВЕКОВОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И ПРОБЛЕМА ФЕОДАЛИЗМА В РУССКОЙ ИСТОРИИ

Автор: Т. В. ЧЕРНИКОВА

Статья 1

В отечественной литературе, посвященной истории Руси IX-XVII вв., привычно употребляется термин "феодализм" и производные от него. Читатель воспринимает их, как правило, не задумываясь о том, что применение того или иного научного термина обусловлено концептуальным подходом к пониманию как средневековой истории России, так и ее современности, корнями связанной с прошлым.

Признание средневековой Руси страной "феодальной", по сути, предполагает отсутствие принципиальной разницы между русским и западноевропейским путями развития. Первыми теоретическими сторонниками такого подхода были западники 1830 - 1850-х гг. Среди профессиональных историков приоритет принадлежал Н. Павлову-Сильванскому (см., например, [Павлов-Сильванский, 2001]). В 1920 - 1980-х гг. в отечественной историографии господствовал марксистский взгляд на феодализм как на "всемирный средневековый социальный тип". В трудах Б. Грекова, Б. Рыбакова и их последователей заложены фундаментальные основы советской теории "русского феодализма", которая, правда, признавала, что эта разновидность феодализма имеет свои особенности, объясняемые климатом, географической средой и социально-экономической отсталостью [Рыбаков, 1982].

Принципиально другой подход содержат труды классиков отечественной исторической мысли XIX - начала XX в. (С. Соловьева, В. Ключевского, П. Милюкова и др.), ученых-эмигрантов (например, Г. Вернадского) и многих современных авторов. Данная группа историков не признает правомерность практики использования понятийного аппарата, выработанного западноевропейской медиевистикой, и его переноса на реалии русских средневековых институтов. Это подчеркивает осознание специфики социально-культурного пространства России в сравнении с Западной Европой [Соловьев, 1962; Ключевский, 1957; Вернадский, 2002]. Абсолютное большинство зарубежных ученых не признают существования феодализма в средневековой России, хотя и допускают наличие отдельных элементов, подобных западноевропейским феодальным институтам, но чаще лишь внешне похожих на них.

Задача моей статьи - сопоставление западноевропейской земельной собственности V-XVII вв. с русским землевладением IX-XVII вв. в контексте проблемы "русского феодализма". При этом будут рассмотрены переходные и "классические" типы собствен-

Черникова Татьяна Васильевна - кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной и отечественной истории Московского государственного института международных отношений (У) МИД РФ.

ности, общественно-политические последствия утверждения тех или иных форм землевладения. Анализ, по необходимости, включает в себя две части: схему становления "классической" феодальной собственности на Западе и сравнение форм землевладения древнерусского (киевского), удельного и московского периодов с западноевропейским.

Понятие "феодализм" весьма условно. В современной науке (особенно западноевропейской) понятие "феодализм" не является чем-то неоспоримым даже для средневековых стран Западной Европы. Например, немецкие историки обычно пишут не о феодализме, а о "ленной системе" (*Lehensweseri*), подчеркивая фундаментальность ее правовых институтов для всей Западной Европы V-XV вв. Английские историки считают, что феодальные устои были принесены на Туманный Альбион в ходе Норманнского завоевания (1066 г.). В центре внимания британских авторов чаще всего находятся отличия английской модели от французской. Американская медиевистика концентрирует внимание на родственности политических систем (*method of government*) в разных странах средневекового Запада. Более других на универсальности "феодализма" для средневекового Запада настаивала французская историческая наука. Но даже она признавала, что "классическая модель" феодализма существовала лишь во Франции, а точнее - в районе между Луарой и Рейном. М. Блок считал "феодальными" только страны, возникшие на карте Европы после распада империи Карла Великого. Он очерчивал "классическое феодальное время" IX-XIII вв. и резко возражал против отождествления понятий сеньориальных и феодальных отношений [Блок, 2003]. Его идеи развивали многие знаковые для французской историографии авторы [Ле Гофф, 1992; Дюби, 1994]. Некоторые из них употребляли слово "феодализм" только для описания общественного устройства Франции XI-XIII вв. [Дюби, 2000, с. 138, 142 - 443].

Другое обстоятельство, которое не должен забывать читатель, - несинхронность во времени анализируемых русских и западноевропейских институтов. Первым с этим феноменом столкнулся Павлов-Сильванский. Временной разрыв между сравниваемыми им русскими и западноевропейскими "аналогами" составлял 300 - 500 лет. Однако ученый счел возможным считать его "непринципиальным", объяснимым отсталостью России [Павлов-Сильванский, 2001]. Мне же, напротив, кажется, что постоянное хронологическое несовпадение средневековых русских и западноевропейских социально-экономических институтов принципиально важно и говорит о различии социально-экономических основ России и Запада в эпоху Средневековья.

Типы землевладения в эпоху варварских королевств и франкской империи (V-IX вв.)

Чтобы поставить вопрос о правомерности употребления термина "феодализм" к России, надо определить, какой смысл вкладывается в это понятие. Необходим краткий экскурс в историю становления феодализма в "классически феодальном" франкском и французском регионе, не забывая держать в центре внимания вопрос о собственности на землю (главное богатство аграрного средневекового мира).

Историю Средневековья принято отсчитывать от условной даты падения Западной Римской империи (476 г.). Социально-экономические и правовые устои средневекового мира рождались во взаимодействии варварских и позднеримских структур при ключевом значении именно "античного наследия". Различные теории генезиса феодализма расходятся между собой только в оценке степени воздействия античных институтов на формирование феодальных структур. Одна точка зрения сводится к тому, что варвары со временем "вернулись" к тем позднеантичным социально-экономическим структурам, которые появились в империи в III в. в результате попыток преодолеть глубочайший кризис [Средневековья... 1995, с. 31]. Более распространенный взгляд на генезис феодализма настаивает на "синтезе варварского и позднеримского" в эпоху варварских королевств V-VI вв. [Ле Гофф, 1992, с. 27 - 39]. *Дуализм* этих общественных форм привел в конце концов к рождению *качественно новых* - раннефеодальных - отношений. Можно различать несколько моделей подобного синтеза: "пропорциональную" (при равнозначности германского и римского влияний); и "неуравновешенные" (с домини-

рованием либо позднеантичных, либо варварских элементов)¹. На становление феодализма в Западной Европе судьбоносное влияние оказала "пропорциональная модель", имевшая место в королевстве франков после завоевания ими Галлии в V-VI вв. Поэтому я остановлюсь на рассмотрении именно франкских форм аграрной собственности.

Первоначально у франков в Галлии господствовал аллод - *безусловная* форма частной собственности, предполагавшая свободное распоряжение землей. Хозяин мог передавать аллод по наследству, дарить, продавать, закладывать и т.д. На завоеванных территориях каждый свободный франк получил в аллодальную собственность земельный участок, отобранный у галло-римлян. Земельные владения римского государства, а также крупные латифундии франкские короли объявили своим аллодом (доменом). При этом часть свободных мелких и крупных землевладельцев - галло-римлян продолжала владеть своей прежней земельной собственностью. Аллодальная собственность франков V-VI вв. ничем принципиально не отличалась от современной ей частной земельной собственности галло-римлян (как, впрочем, и от частной земельной собственности времен поздней империи)².

Образование колоссального королевского домена позволяло королям из династии Меровингов даровать своим ближайшим сподвижникам (дружинникам, германской знати) большие земельные владения, что обеспечивало их преданность. С принятием христианства франками при короле Хлодвиге щедрые земельные пожалования получили монастыри. Постепенно шел процесс социального сближения германского и галло-римского населения. Обязанность "римлян" платить налоги постепенно распространялась и на свободных германцев. С VII в. не только свободные германцы, но и свободные "римляне" - собственники аллодов - стали входить в военное ополчение. В этнической сфере наблюдалась ассимиляция франков галло-римлянами, что было обусловлено и большей численностью последних, и более высоким уровнем их культуры [История... 1992, с. 118].

Регулярная раздача Меровингами огромных земельных фондов своим дружинникам, слугам и церкви вела к быстрому развитию крупного землевладения. Причем большинство крупных землевладельцев получили и налоговые иммунитеты. В результате вскоре обнаружилось сокращение налоговых сборов в королевскую казну, истощение земельных ресурсов королевского домена и ослабление королевской власти. Вслед за ростом экономического могущества духовных и светских земельных магнатов в их пользу перераспределялась и власть над людьми. Единственным способом сохранения королевской власти над "сильными" оставалось предоставление им все новых привилегий. Местные земельные магнаты брали клятву с королей не смещать их с занимаемых должностей, в то же время они и их владения не подлежали суду наместников областей - графов. Магнатам передавали право взимания судебных штрафов, они были освобождены от обязанности предоставлять в распоряжение королей ополчение. Король Лотарь II передал под контроль знатных крупных землевладельцев местное управление (эдикт 614 г.), а при сыне Лотаря II Дагоберте возник порядок, когда реальная центральная власть принадлежала не королю, а управляющим дворцами - майор-домам, которые стали и крупнейшими землевладельцами страны, и главами ее администрации.

Скоро бесперспективность социально-политического порядка, связанного с крупным аллодальным землевладением, стала очевидной. Если верить летописцу времен Карла Великого Эйнгарду (770 - 840), последние Меровинги окончательно потеряли

¹ Последние не оказали решающего воздействия на генезис феодализма либо потому, что взаимодействие оказалось коротким, как у остготов (40 лет); либо потому, что варвары составляли слишком малую (2 - 3% в вестготской Испании), или слишком большую (в Британии) долю населения [История... 1992, с. 117].

² Историки полагают, что частная (надельная, семейная) форма владения в том или ином виде была знакома германцам еще до Великого переселения народов (см. подробнее [Корсунский, Гюнтер, 1984; История... 1985]).

власть и собственность: "Кроме бесполезного титула и скудного содержания, которое выдавалось королю по усмотрению начальника дворца, он имел только одно поместье, да и то очень малоодоходное... Всюду, куда бы король ни отправился, он ехал в повозке, запряженной по-деревенски парюю волов, которыми правил пастух" [Хрестоматия... 1961, с. 427²⁸]. Государство теряло управляемость. "Могущественные" беззастенчиво притесняли "смирненных", лишали их имущества, а то и жизни. Ради безопасности мелкие свободные собственники земли повсеместно жертвовали свои аллоды в пользу знатных магнатов, получая взамен военную защиту и покровительство.

В этих кризисных условиях в первой половине VIII в. произошла настоящая "*феодальная революция*", имевшая судьбоносное значение для дальнейшего развития всей Западной Европы. С распространением франкского опыта на другие страны Запад шагнул из переходной ("раннефеодальной") эпохи в феодализм. Суть "революции" состояла в замене безусловной частной собственности на землю (аллода) условным *ленным* землевладением (от нем. *Lehri*). Условное землевладение знало две преемственные в отношении друг друга формы: первоначальную - *бенефиций* и последующую - *феод*.

Началом преобразований стала бенефициарная реформа майордома Карла Мартелла. Он предпринял ее с целью укрепления собственной центральной власти и необходимости создания большого и боеспособного войска. В те времена судьбу сражений решала конница, в которой могли служить лишь состоятельные люди. На служилый люд среднего достатка и сделал ставку майордом. Чтобы сформировать из них слой, способный противостоять старой знати в военном и экономическом отношениях, Карл Мартелл произвел секуляризацию церковных владений и приступил к новым земельным раздам, на срок или пожизненно, но уже под условие *обязательной службы*. Такие владения получили название бенефициев. Прекращение службы или смерть владельца означали передачу поместья в новые руки.

Распространение бенефициарной системы на магнатов и их военные контингенты привело к постепенному исчезновению аллодов. Возник круг сеньоров, жаловавших землю вассалам под условие службы (прежде всего военной, реже административной). В роли сеньора-благодетеля мог выступать не только носитель высшей государственной власти, но любой крупный землевладелец, который при этом сам оставался вассалом своего сеньора. Политическим итогом стало усиление центральной власти: успешная военная экспансия завершилась созданием при Карле Великом (768 - 814) огромной державы, включившей в себя земли Лонгобардского королевства, Баварского герцогства, владения саксов и часть других территорий. В 800 г. франкский король был провозглашен императором.

На фоне всех этих свершений VIII-X вв. изменился порядок получения бенефициев. Землю по-прежнему давали за службу, но теперь разрешалось передавать ее по наследству, конечно, при условии продолжения сыном или иным наследником службы прежнего держателя бенефиция. Практика подобного рода зародилась, очевидно, еще при Карле Великом, а окончательно оформилась после верденского раздела империи его внуками (843 г.). Во Франции король Карл Лысый дал юридические гарантии неприкосновенности прав наследования отцовских бенефициев сыновьями его вассалов. Так бенефиций преобразовался в феод, *наследственное* земельное владение, пожалованное сеньором вассалу под условие службы, прежде всего военной. Одновременно шло утверждение *майората* (передачи старшему сыну нераздельной земельной собственности) при наследовании феодов.

Важнейшей стороной этого процесса стало оформление рыцарского (феодального) сословия. Выстроилась иерархия сеньоров и вассалов (феодальная лестница). Закон фиксировал права и обязанности сеньоров и вассалов в отношении друг друга и короля, создавая правовые личностные гарантии каждому. Например, вассал был обязан явиться на военную службу к сеньору, но при нападении врагов на вассала уже его сеньор оказывал ему военную поддержку. Если сеньор попадал в плен, то вассалы должны были выкупать или по-другому вызволять его оттуда, но так же поступал и сеньор в отношении пленного вассала. В случае гибели сеньора при малолетстве его наследника

вассалы гарантировали статус наследника, равный статусу отца, но и сироты вассалов получали покровительство сеньора, и т.д. И хотя действия данной системы в реальности были далеки от правового идеала, система вассалитета не давала западноевропейскому обществу скатиться к хаосу даже на пике феодальной раздробленности.

Власть (особенно во Франции, где действовало правило "вассал моего вассала не мой вассал") стала концентрироваться в руках крупных светских и церковных феодалов, земельные ресурсы которых позволяли наделять феодами значительное число вооруженных вассалов. (Система майората постоянно создавала контингент безземельных рыцарей, ищущих службы.) Иерархическая структура рыцарского сословия в новых условиях стала препятствием для укрепления королевской власти. Во Франции при Людовике Лысом королевские вассалы - графы, которых прежде монарх назначал из крупных местных землевладельцев, превратились в наследственных правителей областей, имеющих возможность вести автономную внутреннюю и внешнюю политику, а их владения, скорее, напоминали независимые государства³.

Параллельно шел процесс преобразования различных слоев простого населения в сословие средневекового крестьянства. Современная отечественная медиевистика склонна полагать, что в VII-начале VIII в. среди зависимых крестьян франкского королевства "преобладали галло-римские колонны и рабы, становившиеся несвободными держателями земли. Превращение же в зависимых людей оскудевших свободных крестьян галло-римского и германского происхождения" произошло в IX-XI вв. [История... 1992, с. 117].

Уровень несвободы и повинностей разных групп зависимых крестьян был различен. Наследственные арендаторы могли ограничиваться символическим оброком (типа курицы к Рождеству). В то же время французские сервы (или английские вилланы) несли многочисленные повинности, не могли покидать свои деревни. В последнее время медиевисты с осторожностью используют термин "крепостные крестьяне" применительно к Западной Европе. Во-первых, потому что вилланы и сервы составляли меньшую часть зависимых крестьян даже в тех странах, где они были (Англия и Франция). Во-вторых, они были отнюдь не однородной группой - степень зависимости, повинностей и положение различных групп внутри категории сервов (вилланов) были различны. В-третьих, положение западноевропейских сервов (вилланов) было значительно лучше, нежели у появившихся на рубеже XV-XVII вв. крепостных крестьян Восточной Европы.

Происхождение сервов и вилланов дискутируется в науке, возможно, предками данной категории крестьян были рабы, посаженные на землю. Судя по многочисленным источникам, в королевстве франков "в V-VI вв. временно... выросло значение рабов, которые широко использовались в доме, на полях и в мастерских... Господин имел право на жизнь и смерть раба... Хозяйственное значение рабов в известной мере сохраняется до IX в., но в их положении происходят существенные изменения: рабы получили право иметь семью, убивать их запрещалось под угрозой церковного отлучения, отпуск рабов на волю поощрялся" [Средневековая... 1995, с. 121]. В более поздние времена рабство сходило с западноевропейской сцены. Известны случаи, когда бывшие рабы, находясь на королевской службе, достигали высоких государственных постов, однако основная их масса, очевидно, попадала в низшие слои крестьянства.

Истоки формирования средневековых институтов у восточных славян VII-IX вв.

Если говорить об истоках специфики "русского пути", не вызывает сомнения, что в первобытной истории "варваров" - германцев и славян - было много схожего. Прежде всего это широкое распространение общинного землевладения и суровые условия территории первоначального обитания. Однако можно констатировать и существенные

³ Надо отметить, что в Германии и Англии центральная власть была значительно сильнее эфемерной власти французских королей.

различия уже в древности: *более примитивный* уровень восточнославянского общества и *медлительность* его изменений.

Большинство историков сходятся на мысли, что родовая организация ("род") у германцев повсеместно сменилась соседской (территориальной) общиной уже на рубеже новой эры. А восточные славяне, судя по "Повести временных лет", часто жили "родами" и в IX-XI вв. Франки уже во времена Юлия Цезаря обрабатывали "древние германские поля", разделив их на семейные наделы, которые не меняли границ в течение жизни нескольких поколений; им был известен плуг с отвалом. Восточные славяне и спустя 700 - 1000 лет широко практикуют подсечно-огневую систему земледелия, при которой борова-суковатка (бревно с сучками) остается основным орудием обработки почвы. Лишь в черноземной лесостепи поляне и северяне применяли плуг без лемеха (отвальной доски) и практиковали залежную систему земледелия, которую постепенно вытеснял перелог. Отмечу, что сравнивать уровень техники германцев и славян рубежа новой эры невозможно, так как археологический материал по славянам отсутствует.

Вслед за Ключевским и Вернадским можно сделать предположение о решающей роли климатического и географического факторов в истории восточных славян, которая росла в связи с *неблагоприятным* северо-восточным направлением их миграции. В ходе же миграций германцев роль климата *уменьшалась*, так как они двигались на юг - в зону более благоприятных условий и плодородных земель⁴. Восточные славяне с VII по XIII в. колонизовали Восточно-Европейскую равнину, большая часть которой представляла дремучий лес с множеством болот, имела бедные почвы и суровый климат. Даже черноземную лесостепь по Среднему Днепру отличала продолжительность зимы, большая в сравнении с западноевропейской. В результате у восточных славян произошла консервация принесенных земледельческих технологий и социальных институтов, а у племен, занявших северные и северо-восточные области, даже наблюдался откат к более примитивным формам⁵.

Еще большую роль, нежели направление переселения, сыграл фактор отсутствия у славян *"античного наследия"*. У франков оно стало необходимой предпосылкой культурного и социального синтеза, формирования феодальных порядков. Путь развития средневекового общества у славян оказался "бессинтезным". В близких условиях находились первоначально также скандинавские германцы, кельты в Ирландии и на севере Британии, однако все они вскоре стали испытывать на себе сильнейшее влияние раннефеодальной и феодальной Западной Европы.

"Переходный период" у восточных славян. Древняя Русь второй половины IX-XI в.

Обратимся теперь к франкскому королевству Меровингской эпохи (V-VII вв.) и Древней (Киевской) Руси (IX-XI вв.). Несмотря на временной разрыв, данные периоды франкской и древнерусской истории сравнимы в силу их типологической родственности. По мнению исследователя Древней Руси И. Фроянова и исследователя западноевропейского средневековья А. Неусыхина этот период можно было назвать переходным,

⁴ Прародина германцев - юг Скандинавского полуострова и северо-западное побережье Балтийского моря, откуда еще во II тыс. до н.э. они начали сдвигаться на юг и юго-запад. На рубеже новой эры германцы находились "между Рейном и Вислой с одной стороны и между Дунаем и побережьем Немского (Северного) и Балтийского морей с другой" [Неусыхин, 1974, с. 218]. Прародину славян ученые ищут на пространстве от Вислы и Одера до Подунавья и среднего течения Днепра.

⁵ Правда, надо учитывать и влияние менталитета славян. Например, лингвисты давно заметили, что при формировании древнеславянской речи древние основы индоевропейского языка сохранялись. Этот процесс в корне отличался от взрывных, революционных изменений, сопровождавших обособление древнегреческого, латинского, германского и многих других языков индоевропейской семьи. Объяснить данный факт воздействием природы вряд ли возможно. Правомерна постановка вопроса о связи особенностей мышления и "чувствования" праславян и механизмов становления их языка. К сожалению, серьезных научных работ по этой теме нет.

"дофеодальным" [Фроянов, 1974; 1980; Неусыхин, 1974]. Отсутствовала четкая социальная структура. Вместе с тем это общество уже утратило главное свойство родового строя - равенство, делилось на знатных и рядовую массу, полусвободных и рабов. "Будучи общинным без первобытности и заключая в себе в то же время элементы социального неравенства, - замечает Неусыхин, - этот общественный строй еще не стал классово-феодальным - даже в том смысле, в каком таковым был самый ранний феодализм" [Проблемы... 1968, с. 596].

Сходство между франкским обществом Меровингского периода и древнерусским обществом IX-XI вв. заключается и в широком использовании труда рабов. Их наличие в качестве значительного и в основном самого бесправного и низшего слоя общества фиксируют "Салическая Правда" франков и первый памятник древнерусского права - "Русская Правда". По предположениям Неусыхина и Фроянова рабы в переходный период численно превосходили те слои населения, которые можно трактовать как феодально-зависимые или соотносить с таковыми.

Однако на этом сходства кончаются и начинаются различия. Если для франков V- VII вв. характерно частное аллодальное землевладение, то на Руси IX-XI вв. следует отметить преобладающее землевладение *вервей (общин)* и *больших семей*. На Западе и галло-римляне, и завоеватели франки видели в земле высшую хозяйственную ценность. Земельные ресурсы Галлии были быстро поделены между свободными людьми, которые превратились в частных собственников мелких, средних и крупных аллодов. В Киевской Руси незаметно тяги князей и дружин к земле. Во второй половине IX - начале XI в. место рода занимает большая семья, а родовые связи вытесняются территориальными. Большая семья, состоящая, как минимум, из трех поколений, доминировала над появившимися малыми семьями. В социально-экономическом плане крупные семейные объединения выступали как сдерживающий фактор, препятствующий отчуждению земли и концентрации ее в частных руках. Большие семьи соединялись в общины-верви, занимавшие промежуточное положение между кровнородственной общиной и соседской, сочетая в себе родственные и территориальные связи. Такого рода общины исследователи называют соседско-большесемейными.

Существовала ли в Древней Руси частная собственность на землю? Вопрос интересный, ведь предпосылкой становления у франков условной феодальной собственности было широкое первоначальное распространение крупного частного (аллодального) землевладения. "Повесть временных лет" и "Первая Новгородская летопись" иногда упоминают некие "княжеские села", хотя ничего не говорят об их внутреннем устройстве. "Русская Правда", юридический источник, сложившийся приблизительно с 1016 по 1072 г., построена на приоритетной защите княжеского имущества и хозяйства, что подкрепляет летописные сообщения о княжеских селах. Ввиду этого историки сходятся во мнении, что в IX-XI вв. помимо общинного и большесемейного землевладения существовала и частная собственность на землю князей и, возможно, представителей "нарочитой чади" (родоплеменной знати).

Как и у франков в Меровингский период, частное землевладение на Руси носило характер безусловной собственности. В древнерусском правовом лексиконе западному понятию "аллод" соответствовал термин *вотчина*. Происхождение этого слова указывает на главный источник обретения земельной частной собственности - переход по наследству от отца. Вотчина - это прежде всего наследственная собственность, не накладывающая никаких социальных или политических обязательств на владельца в отношении других лиц. В целом вотчинные владения князей Рюриковичей и, возможно, древнерусской знати IX-XI вв. были незначительны и не составляли *главного источника* их существования. Не были они, в отличие от франкских реалий, и первоочередным объектом вождения князей и элиты. Не землевладение, а *международная торговля* определяла общественный и государственный облик Руси. Этому способствовало исключительное стечение обстоятельств.

Проходившие через восточнославянские земли торговый путь "Из варяг в греки" и верхняя часть Волжского пути не могли прочно связать Европу с Византией и Восто-

ком, так как были длинными и трудоемкими (из-за волоков и порогов). Однако мусульманские завоевания VIII в., потеря Византией Леванта (восточного берега Среднего моря) закрыли "короткую" морскую дорогу христиан на Восток. Роль первопроходцев, ищущих новый путь, сыграли скандинавские норманны, называемые у восточных славян варягами. Архаические формы норманнского общества, близкие к восточнославянским пережитки родового уклада в виде семейных общин, народных собраний-тингов, выборных вождей-конунгов облегчали проникновение варягов в восточнославянскую среду. Варяги основали на Руси поселения, примерами которых являются варяжские кварталы в Старой Ладоге, Темерево у Ярославля, Гнездово у Смоленска. Военно-торговая активность варягов, прекрасно прослеживающаяся на археологическом материале, втягивала в круговорот международной торговли восточнославянское население, особенно элиту. Меха, мед, воск, рабы из восточнославянских земель стали весьма востребованным товаром на Западе и Востоке.

Функционирование восточнославянских речных путей в качестве международных требовало постоянного поддержания порядка вдоль водных артерий, создания укрепленных городов-баз, организации военных экспедиций для защиты от воинственных кочевников, договорных отношений с Византией. Все это было не под силу разрозненным шайкам варягов, зато доступно государственной власти. К тому же лишь она могла гарантировать компромисс между местными жителями и энергичным варяжским меньшинством. Данный компромисс, а точнее симбиоз полиэтнических варварских начал и интересов состоялся. Летописные сообщения 862 - 882 гг. свидетельствуют о консолидации восточных славян вокруг Киева и Новгорода с последующим переносом главного политического центра в Киев и утверждением на киевском столе варяжской династии Рюриковичей. Постоянное присутствие варягов на летописных страницах наблюдается вплоть до смерти Ярослава Мудрого (1054 г.). При этом доминирует тенденция ассимиляции славянами не только финно-угров, балтов, но и варягов, осевших на Руси. Впрочем, норманны повсюду быстро воспринимали чужой образ жизни.

Выгоды транзитного положения восточнославянских земель в конце IX - середине XI в. сформировали, по мысли Ключевского, особый "торговый, городской" характер жизни Среднеднепровской (Киевской) Руси [Ключевский, 1993, с. 15]. Точнее, это был образ жизни господствующего древнерусского меньшинства - княжеско-дружинной элиты и городского населения. Степень богатства этих людей определялась не собственностью на землю, а движимым имуществом - количеством денег, драгоценностей, рабов, скота. Получала же эта богатства княжеско-дружинная среда, в отличие от франкской и галло-римской знати, не в аллодах-вотчинах, а при дележе князем военной добычи и дани, в предоставлении правителем права собирать дань в свою пользу в ряде областей⁶ в кормлениях, судебных и торговых сборах. Данные источники благосостояния не имеют ничего общего с феодальной рентой ни в марксистском (концепция Грекова), ни в классическом понимании данного термина.

"Натянутой" выглядит и теория "государственного феодализма" в Древней Руси, выдвинутая Л. Черепниным. Суть ее заключалась в признании за киевским князем не только прав политического сюзерена Руси, но и верховного собственника всех ее земельных ресурсов. В итоге сбор дани трактовался как рента с феодально-зависимого населения, а частичное перераспределение дани в пользу дружины - как опосредован-

⁶ Права на сбор дани на Руси долго не регулировались законом или обычаем, что создавало основу для внутренних конфликтов. Примером служит известный прецедент с воеводой Свенельдом, которому князь Игорь (913 - 945) пожаловал сбор дани с части древлянских земель. С этого пожалования "кормилась" и дружина Свенельда, оружием и одежде которой завидовали воины Игоря. Свенельд, очевидно, владел этим правом до 976 г., что вызывало столкновение родов воеводы и князя. Уже после смерти сына Игоря Святослава (972 г.) сын Свенельда Лют, охотясь в древлянских лесах, прогневил этим князя Олега Святославича, которому отец дал эти земли в правление. Князь Олег приказал убить Люта. В ответ Свенельд спровоцировал войну сыновей Святослава Ярополка и Олега, что привело к смерти последнего и смене власти в Киеве.

ное (через князя) получение "феодалами" своей доли "ренты" [Черепнин, 1969]. Материалы летописей, "Русской Правды" и других древнерусских источников IX-XI вв. не дают оснований для тезиса о том, что великий киевский князь являлся верховным собственником земли.

Интересным для понимания дальнейшего развития выглядит еще одно отличие древнерусского общества от меровингского. У франков в ходе синтеза варварского и позднеримского укладов возобладали тенденции к выработке новых органичных отношений, охвативших все общество. Прочие уклады, в частности пережитки первобытнообщинного строя, рабовладение, со временем сокращались, а в будущем исчезли. В Древней Руси существовали в некоем параллельном измерении *два уклада*: архаичный, с присущими ему общинной собственностью на землю, господством примитивного натурального земледельческо-промышленного хозяйства; и городской торговый уклад, вызванный к жизни временным переносом важнейших международных торговых путей на восточнославянские территории. Архаичным укладом жила большая часть населения страны, торговым - активное, но мизерное по численности городское население и дружинное окружение князей. Последние задавали тон; собственно, они и являлись творцами Киевской державы. Но при этом их уклад жизни мало влиял на организацию жизни большинства, на формирование новых социально-экономических институтов (например, института частной собственности на землю).

Русь напоминает айсберг, где большая подводная часть - это сумма общин, ведущих автономное натуральное воспроизводство. Лишь князь, опираясь на военную силу, собирая дань в ежегодных полюдьях, удерживает этот общинный архаичный мир в рамках некоего политико-территориального единства. Наверное, в сознании архаичного большинства князь занимал место не столько политического главы государства, сколько Отца-покровителя племени (в сакральном "тотемном" восприятии), или же (на периферии государства) более сильного вождя чужого племени, силой принудившего проигравшую сторону платить "законную", по меркам обычного первобытного права, дань-контрибуцию.

В удельную эпоху XII-XIV вв. и даже в московский период XV-XVII вв. это *архаическое подводное основание* русского айсберга никуда не исчезнет и сыграет роль существенного тормоза, источника консерватизма во всех сферах. "Первобытные" общественно-экономические институты будут воспроизводить себя, территориально расширяясь в ходе русской колонизации. *Параллельное существование разновременных и разнотипных общественных форм - стойкий феномен русской социокультурной организации.*

Древнерусские вотчины удельной "домонгольской" Руси XII - начала XIII в.

Временем "оседания на землю" князей, дружины и нарочитой чади стали XII - начало XIII в. Со второй половины XI в. половцы сделали малопроезжим южный участок пути "Из варяг в греки". Волжская Болгария контролировала Среднюю Волгу. Обороты международной торговли по линии Запад-Русь-Византия-Восток падали. А когда в конце XI в. в результате первого крестового похода христиане вновь обрели короткий морской путь на Восток, это окончательно "убило" интерес Западной Европы к транзитным древнерусским путям. Неудивительно, что со второй половины XI в. упоминания о варягах исчезают из древнерусских летописей. С этого времени Соловьев и Ключевский отмечают оскудение древнерусской элиты и пробуждение ее интереса к земле [Соловьев, 1962; Ключевский, 1957]. Это явствует и из содержания новгородских берестяных грамот. В. Янин свидетельствует, что если в ранних грамотах (включая грамоты XII в.) упоминания о земле отсутствуют, а господствует тема денег, то в грамотах XIII-XV вв. тема земли и продуктов сельского хозяйства становится столь же "почитаемой", как и денежная [Янин, 1975, с. 162].

В XII - начале XIII в. на Руси возникло значительное количество частных земельных владений. В это время уже существовали уделы, формировались местные династии

различных ветвей Рюриковичей. Частные земельные владения (вотчины) принадлежали князьям и местному боярству. Последний слой формировался в результате слияния местной родоплеменной верхушки с пришедшими в уделы княжескими мужами (старшей дружиной). Местное боярство совместило признаки, ранее по отдельности присущие нарочитой чади и старшей дружине. Бояре как мужи, близкие правителю, составляли верх его окружения (советники, воеводы, послы, воспитатели княжеских детей и т.д.), в то же время они были прочно связаны с данной местностью. Связь это выражалась прежде всего в наличии вотчин.

Вопрос о времени появления боярских вотчин дискутируется. Но факт их массового присутствия в XII-XIII вв. наводит на мысль о возможности формирования первых боярских вотчин во времена Ярослава Мудрого и Ярославичей, то есть в XI в.

В зависимости от территориального положения древнерусские вотчины отличались размерами и внутренней организацией. Южнорусские и юго-западные (особенно галицкие) вотчины были крупными хозяйствами с многочисленной челядью (порой более сотни работников). Преобладала барская запашка, обрабатываемая холопами и полусвободными закупам и рядовичами. В Галиции фактически не осталось независимого крестьянского населения. Благоприятный климат и плодородие почвы позволяли вотчинникам Юга и Юго-Запада Руси накапливать большие материальные ресурсы, содержать собственные дружины, которые мало чем уступали дружинам младших князей. Необходимость в дружинах диктовалась на Юге половецкой опасностью, на Юго-Западе - сложными русско-польско-венгерскими отношениями и частыми конфликтами между князьями и боярством. Вотчинные постройки галицких бояр напоминали замки западных феодалов. Судя по галицким летописям, галицкие бояре часто противопоставляли свое мнение князю, были ему враждебны. Окружение знаменитого представителя смоленской ветви Рюриковичей Мстислава Удалого в бытность его князем Волынским и Галицким советовало ему отказаться от галицкого княжения, потому что "его не хотят галицкие бояре". Проблемы с местным боярством были и у Даниила, зятя Мстислава Удалого, и у Романа - сына первого правителя единого Галицко-Волынского княжества. "Бояре галицкие, - замечает летописец под 1240 г., - Данила князем на-зывают, а сами всю землю державу". Князья Юга и Юго-Запада Руси вынуждены были действовать с оглядкой на мнение своих бояр, имевших большой вес, и на городские вече крупнейших городов. Когда суздальский князь Юрий Долгорукий, борясь за старшинство в роду, в 1149 г. выгнал на незначительный срок из Киева своего племянника Изяслава, с ним ушли многие киевские бояре. Отправляясь отбивать у дяди Киев в 1150 г., Изяслав обещал дружине: "Вы из Русской (Киевской) земли ушли за мною, потеряв свои села и жизни (движимость); либо голову сложу, либо добуду свою отчину и всю вашу жизнь" (цит. по [Павлов-Сильванский, 2001, с. 12]).

Аналогичные отношения установились в Западной Руси (Полоцкое княжество и его уделы), с той разницей, что экономическая мощь боярства здесь была меньше, сохранялось свободное общинное крестьянство, большим весом обладали города. В силу внешних опасностей (экспансия русских соседей, Польши, а с XIII в. крестоносцев) постоянного конфликтного противостояния князей и боярства не наблюдалось. Развитие западнорусского порядка получило дальнейшее развитие в рамках русско-литовского государства XIII-XV вв.

Боярское землевладение Западной, Южной и Юго-Западной Руси, построенное на аллодальном праве, не давало, как в западноевропейских странах, построить четкую общественно-политическую организацию, основанную на вассально-ленных отношениях. "Князь не мог приказывать своим вольным слугам, он должен был убеждать их в целесообразности своих намерений, - писал В. Сергиевич. - Общее действие возможно было только тогда, когда думцы (дружина) соглашались с князем: в противном случае князю приходилось отказываться от задуманного им предприятия. Думцы князя, таким образом, в значительной степени ограничивали его усмотрение. Хотя зависимость князя от вольных слуг и не была безусловна, но все же она была довольно значительна, особенно в делах войны и мира" (цит. по [Павлов-Сильванский, 2001, с. 25]).

О частных вотчинах Северо-Востока Руси XII в. (Смоленской, Ростово-Суздальской, Муромской, Рязанской земель) письменных и археологических свидетельств меньше. Крестьянское и вотчинное хозяйство древнерусского северо-востока имели преимущественно натуральный характер. Вотчины были маленькими в сравнении с южнорусскими, основанными на оброке. Почти вся земля находилась в наделах у зависимых крестьян. Сил у боярства для борьбы с князем не хватало. В условиях войны бояре могли выводить на поле боя лишь небольшие отряды, преимущественно из их зависимых людей. Эти отряды, как и многочисленное народное ополчение из свободных крестьян-общинников, составлявших большинство северо-восточного населения, не могли надолго отрываться от хозяйства ради военного похода.

Поэтому необычайно велика была роль княжеской власти. Удельные князья расселяли на северо-востоке пленных, захваченных в междоусобных и внешних войнах. Они предоставляли пленникам и беженцам, ищущим спасения от половецкого натиска, налоговые льготы, строили города и села. Во многие местности княжеская власть пришла раньше, чем общинное крестьянство. Все это вместе взятое заложило истоки восприятия северо-восточных князей как князей-вотчинников, чьей частной собственностью оказывался весь удел. Владимиро-Суздальские князья вели себя не столько как политические лидеры, сколько как хозяева огромной вотчины. Это обусловило отношение ко всему населению княжества (и свободному, и зависимому, и элитарному, и рядовому) как к вотчинной челяди (рабам).

Первые признаки такой позиции продемонстрировал "самовластец" Андрей Боголюбский. При его дворе старинные отношения князя и дружины уступили место отношениям *подданичества*. Старшая Дружина отца (Юрия Долгорукого), некогда вызвавшая Андрея в Суздальскую Русь из-под Киева, была распущена. Ее место в ближайшем окружении князя стали занимать младшие дружинники, к которым князь относился не как к советникам и равным, но как к безропотным слугам, тем более что многие из них были холопами (все тиуны и ключники, многие воины-мечники). Кстати, среди них оказались и отдельные потомки знатных бояр. В частности, Кучковичи - дети казненного Юрием Долгоруким боярина Кучки, чье село Красное перешло как "приданое" вместе с дочерью Кучки к сыну Юрия - князю Андрею. На месте села, как известно, вырос городок Москва. Попутно замечу: распространенное мнение, что Андрей Боголюбский погиб в 1174 г. в результате боярского заговора, - заблуждение. Летописец прямо называет убийц князя - доверенного ключника Анбала, слугу Якима Кучковича и прочих - "дворянами", то есть людьми княжеского двора. (Это первое употребление термина "дворяне".)

Преемник Андрея Боголюбского - его младший брат Всеволод Большое Гнездо также любил управлять княжеством через "дворян" - тиунов и рядовых мечников. Вслед за Рыбаковым ряд историков высказали гипотезу о наделении таких слуг небольшими поместьями на срок под условием службы. Представителем подданического слоя "дворянства", целиком зависящего от князя и боготворящего княжескую власть, часто называют автора знаменитого публицистического сочинения, известного как "Моление Даниила Заточника". Очевидно, все это - признаки зарождения на Северо-Востоке Руси тенденции к складыванию общественного уклада, который Р. Пайпс определял как вотчинный. В его рамках монарх являлся и верховным сувереном, и верховным собственником земли, а также иных богатств. Вся страна рассматривалась как его частная собственность. Такой принцип был совершенно не характерен как для Западной Европы, так и для северо-западных, западных, южных и юго-западных земель Руси удельного периода [Пайпс, 1993].

В новгородских просторах сформировался иной и, пожалуй, самый оригинальный тип вотчины - *патронимия*. Патронимии были частной собственностью не одного владельца, а целого рода. Не дробясь с разветвлением семьи, они прирастали земельными приобретениями новых поколений боярской семьи. Бедные почвы и холодный климат русского Северо-Запада делали пахотные угодья малоинтересными для вотчинника. Урожаи проса и ржи были небольшими, а пшеницы - нестабильными. Продовольствие

приходилось закупать в соседних ("низовых") землях. Зависимые от новгородских вотчинников крестьяне - *сироты* выживали в неблагоприятные годы только потому, что хозяин снабжал их хлебом. Богатство новгородской вотчины-патронимии исчислялось не пахотой и выпасами, а промысловыми угодьями, где можно было добывать пушнину, мед, воск, жемчуг, ценные сорта рыбы, бивни морского зверя и другие промысловые товары. Промысловые продукты и составляли оброки сирот. Ими же за аренду вотчинных угодий у бояр расплачивались свободные крестьяне новгородской земли - *смерды*. Промысловые товары стекались из патронимии в Новгород и продавались оптом купцам, которые вели торговлю на Руси и за ее пределами.

Огромные площади промысловых новгородских вотчин постоянно росли. Боярские роды организовывали землепроходческие, военно-торговые экспедиции ушкуйников во главе с молодыми боярскими отпрысками. Разрозненные и малочисленные угро-финские племена принуждались уплачивать дань Новгороду. Попутно велась меновая торговля и "столбились" новые земельные владения бояр. За ушкуйниками двигалась на северо-запад, север и северо-восток от Новгорода новгородская крестьянская колонизация, смерды. Боярские патронимии, будучи экономической основой новгородской торговой экономики, превращали боярство в ключевую фигуру общественно-политической жизни Новгорода. У себя на родине бояре обладали огромным авторитетом, их мнение определяло течение новгородской жизни. Князья с 1136 г. утратили роль правителей, вечевого Новгород стал боярской республикой.

Возможность применения термина "феодализм" к домонгольской Руси

Итак, по размерам земельных площадей, способу организации и характеру хозяйства, богатству владельцев и их общественно-политическому весу вотчины Руси XII-XIII вв. были разнообразны. Что же их объединяло? Прежде всего это была безусловная форма собственности. Получив вотчину разными способами (по наследству, как княжеское пожалование, освоив "пустое" место или захватив село), вотчинник становился полным ее хозяином. Он мог распоряжаться своей собственностью, как заблагорассудится. Его дети, о чем и свидетельствует слово "вотчина", свободно наследовали ее. Даже когда вотчина была получена как княжеское пожалование, а точнее подарок, никакие служебные обязательства, кроме моральных или "карьерных" соображений, не связывали дарителя и нового владельца. По крайней мере, у нас нет письменных свидетельств X - начала XIII в., которые указывали бы на наличие таких обязательств. Гипотеза Рыбакова о формировании при Андрее Боголюбском (1157 - 1174) и Всеволоде Большое Гнездо (1176 - 1212) из рядовой дружины слоя дворян-помещиков, с условной земельной собственностью, - не более чем логическое предположение [Рыбаков, 1982].

Как мы видим, характер древнерусской вотчины XII - XIII вв. был *аллодальный*, а не *феодальный*. Естественно, и отношения, возведенные вокруг вотчины-аллода, складывались иначе, чем в условиях феодального строя Западной Европы. Поскольку на Руси нет господства условной частной собственности на землю, нет и вытекающих из него вассально-ленных отношений, нет отраженных в праве взаимных обязательств сторон и личностных гарантий, нет сословной организации светской элиты в рамках феодальной лестницы. Поэтому лучше описывать древнерусские реалии исходя из их сущности, не употребляя термины, отражающие институты, возникшие на иной почве, из иного истока и функционировавшие по-другому. Если все же привязанность к словам "феодальный" (или "раннефеодальный") сильна, то надо пояснить: эти термины используются в русской истории как синонимы слову "средневековый", что не предполагает содержания понятия "феодализм".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Блок М. Феодальное общество. М., 2003. Вернадский Г. Русская история. М., 2002.

- Дюби Ж.* Европа в Средние века. Смоленск, 1994.
- Дюби Ж.* Трехчастная модель, или Представления средневекового общества о самом себе. М., 2000.
- История Европы. Т. 2. Средневековая Европа. М., 1992.
- История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. М., 1985.
- Ключевский В. О.* Курс русской истории // *Ключевский В. О.* Сочинения в девяти томах. Т. 1,2. М., 1957.
- Ключевский В. О.* О русской истории. М., 1993.
- Корсунский А. Р., Гюнтер Р.* Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств. М., 1984.
- Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.
- Неусыхин А. И.* Проблемы европейского феодализма. М., 1974.
- Павлов-Сильванский Н. П.* Государевы служилые люди. М., 2001.
- Пайпс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993.
- Проблемы истории докапиталистических обществ. Кн. 1. М., 1968.
- Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII - XIII вв. М., 1982.
- Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. В 15 книгах. Кн. 2. М., 1962.
- Средневековая Европа глазами современников и историков. М., 1995.
- Черепнин Л. В.* К вопросу о сравнительно-историческом методе изучения русского и западноевропейского средневековья в отечественной историографии // Средние века. Вып. 32. М., 1969.
- Фроянов И. Я.* Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л., 1974.
- Фроянов И. Я.* Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980.
- Хрестоматия по истории средних веков. В 2 т. Т. 1. М., 1961.
- Янин В. Л.* Я послал тебе бересту... М., 1975.